

ЕСЛИ У ВАС НЕТУ ТЕТИ

НАТАЛЬЯ КОМАРОВА

Родилась во Владиавназе, в настоящее время живет в Моснве. В 2001 году окончила Мосновский государственный университет управления. Рабо-

тала в финансовой сфере. В 2023 году получила диплом сценариста Мосновской школы кино. Училась на литературных курсах школы Creative Writing School.

Была ранняя осень. Солнце ярко светило, как будто спешило отдать все накопившееся тепло до наступления холодов. Солнечные блики слепили глаза, отражаясь в зеркалах проезжающих мимо машин. Это был беззаботный 2019 год, в который сейчас так хочется вернуться. Я ехала за рулем своей новенькой «тойоты» с работы домой, когда мне позвонила подруга детства. Это было странно. Мы особо не общались после того, как я, окончив школу, уехала из Пятигорска учиться в Москву. Правда, наши родители всегда дружили. Они поддерживали связь и после того, как мои отец и мать переехали в Москву вслед за мной. Я ответила на звонок по громкой связи.

– Привет. Это Света. Извини, что я тебе это сообщаю. Наташа умерла.

Я замерла в недоумении. То, что ее сестра умерла, – это, конечно, трагедия. Но почему Света сообщает мне это таким многозначительным тоном?

– Она лежала в больнице, ей сделали операцию.

Что-то по гинекологии. Она не пришла в себя после наркоза.

До меня стало доходить. Речь не о ее сестре, речь о моей тете, которую тоже звали Наташа. Я свернула и припарковалась на ближайшем свободном месте. Света выразила свои соболезнования и пообещала прислать СМС с телефоном Ири-

ны – старой знакомой тети, которая организует ее похороны. Уже послезавтра.

– Еще Ирина просила передать... Наташа написала завешание... И вас там нет. Тебя и твоего папы. Извини еще раз.

Света отключилась, а я так и осталась сидеть в припаркованной машине, уже не замечая красоты догорающего осеннего дня.

Предполагала ли я, что так будет? По правде сказать, да. Последние полгода мне не раз приходила мысль, что Наташа может умереть и оставить все свое имущество кому-то другому. В такие моменты я спрашивала себя, готова ли я пробиваться через стену, выросшую между нами за эти годы, ради наследства? И раз за разом отвечала на этот вопрос отрицательно. Но при этом я ощущала какую-то тоску.

Я включила в «Ютубе» знаменитую песенку «Если у вас нету тети» и прослушала ее раз двадцать. Мотив был неуместно веселым для такого момента, но я продолжала вновь и вновь нажимать на кнопку повтора. Раньше я удивлялась словам этой песни. Понятно, что можно выбрать: иметь ли друга, дом или жену – все остальное, про что поется в этой песне. Но тетю? Ведь или тетя есть, или ее нет – это от человека не зависит. Теперь мне стало понятно. Теперь мне надо было выбрать.

Еще мне стало понятно, почему я тосковала, когда вспоминала тетю эти полгода.

В то время, когда Наташа появилась в моей жизни, я не знала, кто я. Я знала, какой хотел видеть меня отец. Где-то у меня до сих пор лежит выцветшая фотография: худая, неловкая двенадцатилетняя девочка в очках и с хвостиком сидит рядом с отцом. Мы тогда отмечали Новый год, но мне стало скучно за праздничным столом с родителями и соседями, и я пошла в свою комнату решать задачи по математике. Прорешав кучу примеров, я наткнулась на особенно сложный и пришла к отцу посоветоваться. На фотографии он сидит в кресле, а я примостилась рядом и показываю ему свою тетрадь. Отец сияет – его дочь такая, какой он хочет ее видеть. Прилежная отличница, которая занимается даже в новогоднюю ночь.

В обычные дни отец с утра до ночи пропадал в подвале, где ремонтировал телевизоры и магнитофоны, чтобы как-то заработать на жизнь. Отец дослужился до капитана ракетно-воздушных войск и вышел в отставку, после того как мы вернулись из Германии, где прожили пять лет в военном городке. Правда, там он руководил небольшим телецентром и тоже постоянно возился с телеоборудованием. С техникой ему всегда было проще, чем с людьми. Я видела отца лишь изредка за ужином. Обычно он молчал, по военной привычке быстро и сосредоточенно поглощал еду и уходил. Я не успевала придумать, о чем бы заговорить.

Еще я знала, какой не хотела видеть меня мать. Когда я приходила из школы, на кухне меня всегда ждал обед. Но я не должна была шуметь, как-либо беспокоить мать или лишний раз заходить в ее комнату. У нее болела спина, ей было тяжело ходить, и месяцами она почти не вставала с кровати. Вначале приходила медсестра и делала ей обезболивающие уколы, потом уколы стал делать отец. Но мне казалось, что причина того, что мать замуровала себя в своей комнате, была не в болях в спине. Я все думала о том времени, когда видела мать другой. Тогда я была еще совсем маленькая, и по дороге домой из детского сада мы с матерью нередко заходили в гости к дяде Леше. Я не помнила его лица, помнила только, что от него веяло весельем и дерзостью. Он включал на полную громкость магнитофонные записи Высоцкого и разрешал мне прыгать на диване – и то и другое было для меня диковинкой. Я пользовалась случаем и самозабвенно скакала, испытывая на прочность диванные пружины,

подпевала хриплым напевам барда и радостно смотрела на смеющуюся и увлеченно болтающую с дядей Лешей мать. Потом визиты к дяде Леше прекратились. Меня не оставляло ощущение, что это как-то было связано со мной. Что если бы меня не было, мама бы продолжила ходить к дяде Леше. А я как-то этому помешала. Хотя, может, это была всего лишь детская фантазия. У матери могли быть и другие причины для депрессии. После возвращения из благополучной Германии, вступающей в западный мир, откуда они с отцом привезли спутниковую антенну и плоский телевизор, в родном Пятигорске ее ждали очереди за хлебом и маслом по талонам. А еще превращение из социально активной и хорошо зарабатывающей женщины в безработную, полностью зависящую от мужа. Но тогда я всего этого не понимала и, прислушиваясь к вздохам матери, доносящимся из-за закрытой двери, не могла не думать, что я как-то виновата в происходящем.

Друзей мне приводить тоже было нельзя, да друзей у меня и не было. За пять лет, что мы провели в Германии, все приятели по детсадовским играм меня забыли. А сблизиться с кем-то в подростковый период у меня не получилось. И я проводила все свободное время с книгами. Благо в квартире бабушки и дедушки в бывшей комнате тети была целая библиотека – два огромных стеллажа с русской и иностранной классикой. К тому времени Наташа уже пять лет жила в Москве, после того как защитила диссертацию в Московском институте молекулярной и клеточной биологии. Я любила проводить время в ее комнате, это был мой маленький мирок – здесь я взапой читала, а еще изучала Наташины учебники, научные труды и рабочие тетради. Меня заворожили сделанные ею зарисовки строения разных тканей под микроскопом. И я стала их перерисовывать. А потом я увлеклась, что стала перерисовывать все, что могла найти в Наташиных учебниках по биологии, – от инфузории-туфельки, пауков и червей до птиц, тигров и носорогов.

Вскоре Наташа приехала в Пятигорск проводить бабушку с дедушкой. Они сильно сдали, и она часто приезжала их навестить и проследить за их лечением. Наташа привезла с собой пирожок из «Макдоналдса». Холодный пирожок казался мне неведомым яством, от него веяло загадочной московской жизнью. Когда мы остались вдвоем, Наташа включила «Пинк Флойд» и спросила, какую музыку я люблю. Я затруднилась ответить, и тогда она протянула мне несколько кассет с записями.

«Послушай. Может, что-то понравится», – сказала она. Потом Наташа нашла в своей комнате мои зарисовки с ее тетрадей и учебников. Я смутилась и стала извиняться за то, что брала ее вещи. Но Наташа не обратила внимания на мои слова, а с интересом все просмотрела и сказала: «У тебя хорошо получается. Тебе надо учиться рисовать». Увидев неуверенность на моем лице, она добавила: «Ты же любишь рисовать?» «Да», – ответила я и впервые поняла, что действительно люблю рисовать.

Когда я сказала родителям, что хочу поступить в художественную школу, отец хмуро спросил, сколько это стоит. Но узнав, что обучение бесплатное, успокоился и потерял интерес. Мать же скорбным голосом сказала, что мне не стоит надеяться, что я пройду, – ведь сейчас всех берут только по блату.

Но Наташа лишь рассмеялась, узнав о маминих сомнениях. «У тебя все получится!» – сказала она и отвела меня в приемную комиссию художественной школы. Там я подала документы и записалась на вступительный экзамен.

Узнав о произошедшем, мать стала возмущаться: «Почему Наташка вечно лезет не в свое дело? Завела бы своих детей и растила бы их! Она мне всегда говорила, что у нее будет трое! Трое! Еще три пальца мне показывала!» Мать трясла перед собой тремя пальцами. Отец угрюмо молчал, а я пыталась переварить внезапный всплеск маминих эмоций.

Но все это было неважно, ведь я уже прошла испытательный экзамен и меня зачислили в художественную школу. В следующий приезд Наташи я показывала наброски для своей новой работы. Я увлеклась музыкой Кенни Джи, и, когда нам дали задание сделать оформление пластинки, я не сомневалась ни минуты, что выбрать. Я была полна идей, как отобразить волшебный поток звуков, льющихся из саксофона, на холсте. Наташа с улыбкой рассматривала мои зарисовки, слушала мою сбивчивую речь, а потом предложила приехать к ней в гости в Москву летом. Она покажет мне Москву, а еще мы будем выбирать вуз, в который мне поступить. Я не знала, что сказать, и лишь неловко обняла ее.

Моя желание поступать в Москву неожиданно получило поддержку отца. Оказалось, что на это он и копил деньги, без отдыха работая в своей мастерской. А мать опять не могла совладать с эмоциями и в сердцах сказала: «Станешь, как Наташка, одинокой!»

Потом были и другие моменты, и радостные, и не очень. В какой-то мой приезд в Москву Наташа сводила меня в театр, и я впервые испытала потрясение от живой актерской игры. В другой раз она оставила на видном месте книгу «0 женском сексуальном здоровье», которую я тайком прочитала, почерпнув сокровенные знания об устройстве мужского и женского тела, сексуальной жизни, женском оргазме. Наташа поддерживала меня, когда я поступала в МГУ, помогла мне обустроиться в общежитии. Потом мы какое-то время жили вместе в ее комнате в коммуналке, пока она все не решалась переехать в свою новую квартиру. И я узнала, какой Наташа бывает требовательной, мнительной и обидчивой...

* * *

Раздался звонок. Оказалось, уже стемнело, и муж волновался, где это я. Я сообщила ему о смерти тети. Он выразил сожаление, но не был особо потрясен. Для него Наташа не была близким человеком.

На следующий день я заехала к родителям. По поводу смерти Наташи мама сказала только:

– Жаль, конечно. Видеть ее я не хотела, но мне было спокойнее, когда я знала, что она живет где-то в этом городе...

Но то, каким образом было получено это известие, вызвало у мамы бурю эмоций. Она возмущалась тому, что об этом сообщила Света – дочь ее с отцом друзей. Я рассказала, что узнала от Светы. Наташа поддерживала отношения с ее родителями и даже ездила к ним в гости в Ростов, куда они переехали из Пятигорска несколько лет назад. Это еще больше разозлило маму. Это ведь были ее друзья, а Наташка их присвоила. И теперь они знают о завещании, о том, как Наташка поступила. В каком свете она их выставила! Да, тете удалось достать мою маму даже после смерти. Но таков, наверное, и был ее план. Мама стала обвинять папу в том, что это он когда-то познакомил Наташку с родителями Светы и из-за этого у мамы теперь не осталось друзей. Папа стал огрызаться в ответ. Мама разволновалась, у нее повысилось давление, она запричитала, что папа ее довел, и удалилась к себе в комнату. На похороны она не собиралась.

Я спросила папу, что он думает о Наташином завещании, хочет ли его оспаривать. Но он отказался об этом говорить.

– Нам бы в своей семье разобраться, – сказал он и пошел проверить, как там мама.

Я сидела, потрясенная его ответом. Мне хотелось крикнуть ему вслеп: «Но это же твоя сестра! Вы же росли вместе! Вас же должно многое связывать! Как она может не быть твоей семьей?!» Но кричать было бессмысленно. И у мамы давление.

Почему же между моими родителями и тетей были такие плохие отношения? В детстве я часто слышала о Наташе много хорошего. Мне рассказывали истории о том, как она обивала пороги каких-то генеральских шешек в Москве, пытаясь отмазать отца от службы в Афганистане. Как спасла маму, когда та мучилась после родов с температурой и разбухшей грудью: Наташа уговорила свою знакомую, работавшую в роддоме медсестрой, сцедить маме молоко вручную. Тетя лечила меня от плоскостопия, когда никто не обратил на это внимание, и водила в Москве в лучшую глазную клинику проверять мою миопию. Но почему-то все ее добрые дела не перевесили каких-то мелочных претензий тети и мамы к друг другу: кто-то когда-то пришел в гости без приглашения, сказал что-то высокомерное, взял что-то без спроса, сорвался и повысил голос. Как же груды этих мелких претензий превратилась в непреодолимую гору? И породила такую неприязнь, когда одно упоминание имени тети заставляло мать кричиться, а тетю с горечью жаловаться на то, что ее усилия не ценят? Может, за всеми этими придирками и претензиями было что-то большее.

Как-то в детстве я нашла в бывшей комнате тети ее дневник и наткнулась на описание отношений с мужчиной, которого она любила. «Он не разговаривает со мной уже вторую неделю. Сегодня, когда мы работали рядом в лаборатории, я отворачивалась и склонялась как можно ниже, чтобы он не видел моих слез». Тогда я в испуге закрыла дневник, мне не хотелось читать дальше. Неужели близкие отношения должны быть полны отвержения и боли?

Возможно, дело было в дедушке. Родившись в крестьянской семье где-то в глубинке в начале двадцатого века, к концу жизни он дослужился до подполковника НКВД. Повзрослев, я стала задумываться, какие тайны скрывало его прошлое и какие его грехи отмаливала бабушка, которая под конец жизни, когда православие вдруг официально разрешили, превратилась из убежденной коммунистки в истово верующую женщину. Спустя годы после смерти дедушки моя мать продолжала жаловаться, как он третировал ее за то, что она не так готовит, не так ведет хозяйство, слишком заботится о своей внешности. Сетовала, что де-

душка не разрешил отцу пойти учиться в технический вуз, хотя у него был явный талант в этой области, а заставил его стать военным. Но больше всех доставалось от дедушки моей тете. Когда она в сорок лет, поняв, что не может создать ни с кем семью, умоляла дедушку с бабушкой продать квартиру в Пятигорске и переехать в Москву, чтобы она могла родить ребенка «для себя», дедушка лишь холодно сказал ей:

– С чего это? Я не виноват, что ты не нашла себе «хозяина».

Все Наташины достижения в научной области, вся забота и помощь, которая она оказывала ему и бабушке, для дедушки ничего не значили. Его дочь никогда не была для него достаточно хороша.

Я помнила дедушку уже шепелявым и ворчливым стариком, который целыми днями сидел перед телевизором и поедал горы конфет, пряча фантики за спинку дивана. Когда он мне выговаривал, что я не так оделась или чересчур нарядилась, я лишь посмеивалась и отмахивалась от его слов. Что он вообще понимает?

Но как бы я ни насмеялась над дедушкой в юности, сейчас я сижу здесь в свои сорок лет и думаю о том, что мои отношения с Наташей закончились тем же самым – непониманием и отвержением. Как же получилось, что я не смогла преодолеть заведенный дедушкой порядок?

Я вспомнила, как последний раз виделась с Наташей. Мы с мужем пришли в гости к Наташе в новогодние праздники, лет семь назад. Прежде всего Наташа стала показывать нам пополнение своих коллекций. В сорок восемь лет она наконец заработала на свою квартиру и переехала из комнаты в коммуналке, которая когда-то досталась ей после развода с фиктивным мужем (что не сделаешь ради московской прописки), на свою отдельную жилплощадь. Но завести ребенка она уже не решилась. И всю свою нереализованную страсть пустила на заботу о маленьком пуделе и на коллекционирование. Все началось с фарфоровых статуэток, которые она забрала из квартиры бабушки и дедушки после их смерти. Наташа выставила на полки нового шкафа долго и бережно хранимые в коробках статуэтки балерины, пастуха и пастушки, девочки с собачкой. И быстро стала пополнять коллекцию новыми экземплярами. Потом к фарфоровым статуэткам добавились изящные миниатюрные тувельки, фигурки собачек из всевозможных материалов, сувениры, которые Наташа привозила из зарубежных поездок. А еще Наташа стала покупать себе все то,

что раньше не могла позволить из-за недостатка места, – пледы, пуфики, вазы, картины.

Теперь, через десять лет, Наташина квартира была основательно забита вещами, зато в ней не было и намека на одиночество. Перед праздничным ужином Наташа вручила нам подарки – она всегда уделяла подаркам много внимания. В этот раз для моего мужа – красивые бокалы для виски, для меня – ваза с картиной Ван Гога. Я смутилась от того, что подарки такие дорогие. Наташа лишь отмахнулась и попросила почаще ее навещать. Я ощутила в этом укол с ее стороны и вздохнула. Скоро я еще реже буду ее навещать, как же она это переживет? Мы сели за стол, выпили, стали обсуждать планы на наступивший год. Мне было так уютно в этой переполненной вещами и пылью квартире под мягким светом абажура сидеть рядом с Наташей и слушать ее бесконечные рассказы о Моне – ее персиковом пуделе.

При мысли о том, что это уже никогда не повторится, комок подкатил у меня к горлу. Но я сдержала слезы и засобиралась домой.

* * *

Перед похоронами Наташи я пошла на консультацию к юристу по наследственным делам. Мне хотелось узнать, какие у меня шансы вернуть Наташину квартиру, которая стала вдруг мне невероятно дорога со всеми ее нелепыми безделушками, пылью и хламом. Юриста я нашла через знакомых. Это была приятная светловолосая женщина в строгом деловом костюме.

– Вы являетесь наследником второй очереди и по закону не можете ни на что претендовать. Это может сделать только ваш отец. В любом случае, чтобы оспорить завещание, нужно доказать, что вы с тетей были близки. Когда вы общались в последний раз? Какие у вас были отношения?

Ну вот, дошло до этого – я должна рассказать о своем разладе с тетей. Но как мне найти слова?

Я могла бы рассказать о том злополучном дне, с которого все началось. В тот день Наташа позвонила мне, чтобы узнать, когда она сможет увидеть мою новорожденную дочку. Мать принесла мне телефон, когда я кормила дочь грудью. Она молча протянула его мне и осталась стоять рядом, слушая мой разговор. Пока я была беременна, напряжение между мамой и тетей все нарастало. Наташа хотела быть рядом и помогать мне во всем. Возможно, она надеялась пережить со мной

те моменты, которые сама не смогла испытать в своей жизни. Для матери, которая стала с годами проявлять ко мне больше тепла и участия, рождение внучки было важным событием, и она не хотела делиться этой радостью с Наташей. Мне же казалось, что я смогу как-то справиться с этой ситуацией и поделить время между матерью и тетей. Но после родов я поругалась с мужем, и мне пришлось переехать к родителям. И теперь под взглядом матери, которая никогда бы не пустила в дом Наташу, я не знала, что ей сказать. Я как-то попыталась объяснить ситуацию и промямлила, что мы увидимся как-нибудь позднее. Но после этого разговора Наташа никогда мне больше не звонила.

У меня были свои проблемы – вначале с неспящим по ночам младенцем и разладом с мужем. Потом с попытками вновь наладить свою семейную жизнь и переездом в другой город. Потом с выходом на работу после декрета, освоением новой профессии, возвращением в Москву. Мне так нужна была помощь тети, чтобы с этим со всем справиться, так нужно было ее внимание и участие, как тогда, в детстве. Но когда я звонила, Наташа говорила со мной холодно и отстраненно, про мою жизнь не спрашивала, а на предложения встретиться отвечала: «Я подумаю». И я тоже обиделась. «Неужели она не может забыть про свои обиды, про свое соревнование с матерью и подумать обо мне?» – с горечью думала я. Со временем я закрылась и прекратила попытки к ней пробиться.

Но как описать все эти события? Нужно будет так много рассказать и пояснить, это займет кучу времени. Да и нужно ли это этой женщине напротив меня, для которой мое дело такое же, как и сотни других. Между родственниками возник разлад, и посторонние люди этим воспользовались. Ничего особенного. Поэтому я сказала лишь:

– Не знаю точно. Может, года три-четыре назад.
– А ваш отец? Есть доказательства, что в последний год встречался, созванивался или переписывался со своей сестрой?

Я вспомнила, каким взглядом мать сверлила отца в те времена, когда он еще пытался поддерживать отношения с тетей и отвечал на ее звонки.
– Нет, думаю, нет.

Женщина напротив вежливо мне улыбнулась. Я поняла, что мои шансы близки к нулю.

– Для начала вам нужно получить завещание. Посмотрим на него и обсудим варианты. Приходите, когда оно будет у вас на руках.

Она явно потеряла ко мне интерес. А я вдруг четко поняла, что дело было не в наследстве. А в том, что, исключив меня из завещания, Наташа дала мне понять, что я для нее ничего не значу. От осознания этого мне стало больно. Но таков ведь и был ее план.

* * *

Отпевание проходило в маленьком храме на территории больницы. В полутемном помещении с мерцающими по углам иконами и чадящими подсвечниками неожиданно оказалось много людей. Я никого из них не узнавала: это старые коллеги тети по институту? Или новые знакомые по кинологическому клубу? Кто-то удивленно оборачивался на меня, я была очень похожа на тетю. Мы с отцом протиснулись ближе к гробу, стоящему посреди комнаты. Я сразу узнала Наташу, прошедшие годы и смерть лишь немного обострили черты ее лица.

После того как мы отошли к стене, рядом с нами оказалась скромно одетая женщина невысокого роста.

– Вы пришли. Я Ирина, помните меня?

Я наконец ее вспомнила. Это была коллега тети по научному институту. Когда-то мы с Наташей ходили к ней в гости. В памяти всплыла смутная картина, как сидим за обеденным столом и я ощущаю в поведении Ирины и ее дочерей плохо скрываемое снисхождение. Они ведь были москвичи. А кто была я? Иногородняя, без своего угла, жившая вместе с тетей в убогой комнате в коммуналке. Тогда сложно было предположить, что грядет новая эпоха и новые социальные лифты будут так же доступны иногородним, как и москвичам. После этой встречи я долгие годы не слышала, чтобы Наташа упоминала про Ирину.

– Это хорошо, что вы вдвоем. Ее бы мы не пустили, – продолжила Ирина.

Меня передернуло. Теперь чужие люди судят о моей матери, ее отношениях с тетей, обо мне. Считают, что они вправе решать, кто прав, а кто виноват.

После отпевания, когда мы вышли из храма, Ирина предложила поехать в крематорий на автобусе, который она арендовала. Я ответила, что мы сами доберемся.

– Вы же в курсе про завещание? – Ирина осторожно затронула щекотливую тему.

Отец лишь холодно кивнул.

– Мы можем его прочитать? – Мне хотелось увидеть собственными глазами, что Наташа ничего мне не оставила.

– Не думаю, что это возможно. Но могу сказать, что я там не упомянута.

Ирина бросила неловкий взгляд на своих дочерей, которые стояли поодаль. К старшей дочери подошел мужчина, сжимая в руке бумажку. Он спрятал ее в карман, но руку так и не вынул, видимо, продолжая сжимать бумажку. Свидетельство о смерти, догадалась я. Похоже, старшая дочь с мужем живут с родителями и тетина квартира для них спасение. Завещание они мне не покажут. Не только я ходила к юристу.

– Я могу хотя бы прийти к ней в квартиру и взять на память фото и какие-то ее вещи?

На лице Ирины появилось замешательство.

– Мы подумаем.

Добравшись до крематория, мы долго искали вход в нужный зал, нам называли то один номер входа, то другой. Гроб возили на катафалке то туда, то сюда. Когда вход был найден, нас попросили подождать: предыдущая церемония еще не закончилась. Суматоха, сопровождавшая отправление в последний путь, обескураживала. Пока мы ждали в коридоре перед входом в зал, к нам подошел муж старшей дочери – тот самый, с бумажкой в кармане.

– Ирина передала, вы хотите попасть в квартиру тети, взять какие-то фотографии. Это ни к чему. Да и фотографий там никаких нет. Извините. – Он поспешно отошел.

Стоящая поодаль Ирина отвела взгляд. Вот как, сама она не решилась отказать, послала зятя. Я почувствовала, как закипаю. Да как они вообще смеют не пускать меня в квартиру тети! Не отдавать мне ее вещи! Я найду другого юриста, я все у них отсужу! Ведь неизвестно, как они воздействовали на Наташу, как играли на слабостях одинокой женщины. И надо еще разобраться, кто посоветовал ей сделать эту операцию, от которой она не очнулась. Так ли ей была нужна была эта операция? Ведь, как я поняла, она не была какой-то срочной.

С этими мыслями я зашла в зал прощания, куда нас наконец пригласила служащая крематория.

Зал производил впечатление. Через огромные затемненные окна виднелся величественный сосновый лес, создавая атмосферу торжественности и умиротворения. Гроб с тетей стоял посреди зала на возвышении, окруженный цветами. После церемонии его опустят вниз, догадалась я, для

имитации обычного захоронения. Служащая крематория откашлялась и предложила начать. Ее сдержанный голос тактично давал понять, что надо бы поторопиться – за дверями уже ждут следующие клиенты. Все по очереди стали произносить прощальные речи. Здесь уже было меньше людей, чем в храме, кроме нас с отцом, человек семь, не больше.

Я краем уха слушала излишне эмоциональные воспоминания этих людей, которые не особенно-то и знали мою тетю. Но мои злость и гнев на них постепенно улетучивались. Ведь на самом деле я злилась не на них. Я злилась на Наташу. Это было ее решение – вначале вычеркнуть меня из своей жизни, а потом исключить из завещания и не оставить мне ничего, чтобы напомидало о нашем совместном прошлом. Так она ответила на ту боль, которую причинили ей в жизни близкие люди, в том числе и я. Ответила так, как знала, как умела, как было заведено в нашей семье. Отвержением и попыткой причинить боль в ответ.

Но, может быть, я сейчас попробую сделать что-то другое? Попробую изменить этот сценарий. Попробую ее простить. Жаль, что у меня не хватило сил сделать это, когда Наташа была жива. Но я могу сделать это хотя бы сейчас.

До меня долетел голос служащей крематория.
– Кто-то еще хочет проститься с усопшей?

Стоящий рядом отец отвел глаза. Я шагнула вперед и начала говорить. Внезапно женщина, с чувством рассказывавшая до этого, как познакомилась с Наташей год назад и по ее совету завела собаку, что дало ей новый смысл в жизни, перебила меня. Она решила продолжить свою речь о подробностях прогулок и общения с тетей. Я подождала, когда она закончит, и попыталась заговорить, но женщина вновь перебила меня своим громогласным голосом. Кем я была в ее глазах? Ужасным человеком, никчемной родственницей, которой нельзя давать слова на похоронах тети? Я не оставляла попытки заговорить, а женщина все перебивала меня. Ситуация становилась все более неловкой. В конце концов громогласная женщина сдалась и замолчала.

А я смогла сказать о том, сколько хорошего Наташа сделала для меня и как я благодарна ей за это. Смогла признаться, как мне жаль, что наши отношения испортились в последние годы и что мы так и не смогли помириться. И сказать наконец, что я ее очень любила, несмотря ни на что.

Когда я закончила, воцарилась тишина. Убедившись, что теперь точно всё, служащая крема-

тория включила печальную музыку, под которую гроб с тетей скрылся под полом зала.

* * *

Когда мы с отцом уже уходили после скромных поминок в кафе неподалеку от крематория, нас догнала Ирина.

– Напишите мне на следующей неделе. Я вас отведу в Наташину квартиру. Вы только не удивляйтесь. Там... бардак. Она хотела поменять полы. Ей постоянно нужно было что-то делать. Ну, вы понимаете.

Ирина посмотрела на меня с волнением. Вот в чем дело, они не хотели, чтобы я видела бардак в квартире тети. Больше аргументов, что Наташа была не в себе, больше шансов оспорить завещание.

– Да, понимаю. Спасибо.

– Хорошо, до встречи.

Ирина вдруг сочувственно дотронулась до моего плеча.

– Я знаю, Наташа была непростым человеком.

На следующей неделе Ирина уже передумала и не отвечала на мои звонки. А может, дочь с зятем уговорили ее не рисковать и не пускать меня в квартиру.

Но в тот день, идя к машине, я опять вспомнила песенку про тетю и с облегчением подумала, что я сделала свой выбор.

